

Часть I

Сети Вероники

Глава 1

— «И тут он увидел Косу Береники, что свет проливает среди огней небесных». — Папа поднял взгляд от книги и спросил: — Ты разумеешь, о чем речь?

Вероника поспешно кивнула, не то чтобы совсем этим жестом соврав, но все-таки немножко лукавив. Конечно, когда папа читал Катулла на латыни, она понимала смысл стихов еще меньше, а правду сказать, почти ничего не понимала. Но и когда он с листа переводил латынь на русский, польский или белорусский, ей не все было понятно, потому что мыслями она блуждала далеко и от комнаты с низким потолком, и от папы, сидящего в кресле, обтянутом потертым аксамитом, и от самого застенка Багнич. Может, как раз среди огней небесных летали ее мысли, там, где, согласно Катулловым стихам, развевались сияющие косы Береники.

— Тогда слушай дальше, — сказал папа. — «Разве любовь не мила молодой жене? И разве не лжива ее девичья слеза, когда перед глазами родительскими плачет она у брачного ложа, утешного ложа?»

— Франтишек, оставь ее в покое. Как не стыдно такое дочке читать?

Мать вошла в комнату с деревянным подносом в руках. На подносе стояла черная керамическая миска, такое же блюдце и стеклянная рюмка с серебряным вензелем.

— С чего мне должно быть стыдно? — Папа снял очки и положил на открытую книгу. — Ей в гимназию поступать. Надо

знать великих поэтов. Чтоб не стыдно было перед колезанками. А то станут застенковой звать.

— Она и есть застенковая. — Мать поджала губы. — Нечего стыдиться. А тебе лекарство пора принять. Только сперва поешь, чтоб живот не заболел.

Она поставила поднос на резной деревянный столик, сняла вышитые салфетки, которыми накрыта была еда. Папа покорно взял с блюда блин и принялся есть, окуная его в миску, наполненную мачанкой, и подхватывая оттуда блином кусочки копченого мяса.

Вероника вертелась на своей табуретке, чуть не подпрыгивала. Ну когда уже ей позволят идти на все четыре стороны? Но папа не обращал на нее никакого внимания. Собрал блином остатки мачанки со дна миски, выпил лекарство из рюмки, поморщился, заел...

— Что ты крутишься? — Наконец он заметил дочкино нетерпение. — Слушай дальше.

— Татачка, давай завтра дочитаем? — жалобно попросила Вероника. — Целую страницу на память выучу!

— К деду Базылю торопишься? — поморщился папа и, глядя на мать, добавил: — От деревенских не отличить, растет как осот. А ты еще говоришь, зачем ей Катулла!

— Иди, дочка. — Мать бросила ему в ответ привычно ключий взгляд. — Вячэрать не опаздывай.

— Дед Базыль уху сварит, я с ним повячэраю!

Выбегая из комнаты, Вероника услышала папин вздох. Но все это — и его фантазии, одной из которых было чтение ей Катулла, и то, как относится к этому мать, и сами отношения между родителями — было слишком привычно, чтобы обращать на это внимание.

«Вот как странно, — подумала Вероника, пробегая к загороди, вдоль которой росли мальвы. — И речка ведь тоже привычная, и рыбу ловить. А не надоедает!»

Но задумываться об этом было некогда. Дед Базыль обещал взять ее с собой на вечернюю рыбалку и ждать точно не станет.

Дедом он Веронике не был, да и никакой родней не был — шляхта с крестьянами не рождалась, во всяком случае в Багничках, — но относился к ней с расположением, удивительным

Ольховый король

для его мрачного нрава. И она готова была проводить с ним часы и дни напролет. Не было на свете такого, чего дед Базыль не умел бы, и ни с кем она поэтому не чувствовала такой уверенности в том, что мир прочен и надежен. И болотная зыбь, на которой стояли Багнички, ничуть ее уверенности не мешала.

Сбежав с невысокого холма, Вероника оглянулась на усадьбу. Солнце, садясь, освещало дом, и его крытая камышом крыша переливалась в закатных лучах, как струны арфы. Когда Вероника была маленькая, папа привез ей из Пинска, из книжной лавки Эдмана, большую немецкую книгу про музыкальные инструменты, и вид золотой арфы в этой книге заворожил ее. Очень хотелось выучиться на арфе играть, но взяться такому чуду в Багничках было неоткуда, и пришлось удовольствоваться настольной фисгармонией, которую папа выписал год назад из Кракова на Вероникин день рождения. Мать и фисгармонию считала блажью — говорила, лучше бы училась шить, про богатого мужа мечтать не приходится, самой придется семью обшивать, а то и на хлеб зарабатывать. Но папа уже был тогда болен, ноги у него отнялись, материнская ревность и бурные ссоры между родителями поэтому прекратились, и мать предоставила дочкины занятия его фантазиям. Давать Веронике музыкальные уроки, правда, было некому, но природный слух помог — она даже «К Элизе» Бетховена сумела разучить самостоятельно по прилагавшимся к фисгармонии нотам.

Еще дома, в сених, Вероника натянула высокие болотные сапоги и плащ из рогожи. Когда подбежала к хате деда Базыля и не увидела его, опрометью бросилась прямо к реке, благо та разлилась до самой загороди Базылева двора.

Дед уже стоял в своем длинном, выдолбленном из цельного дубового ствола челне. Он не сказал ни слова, только бросил на Веронику мрачный взгляд. Но та не обиделась: слова она, как все полешуки, считала в большинстве случаев излишними, да и взгляд деда Базыля не казался ей таким мрачным, каким показался бы постороннему человеку. Вероника запрыгнула в челн, взяла весло и оттолкнулась от берега.

Весной Ясельда всегда разливалась широко, сливалась со множеством проток, своих и Припяти, и превращалась в настоящее море. Папа рассказывал, что древнегреческий исто-

рик Геродот еще две с половиной тысячи лет назад его описывал, и есть средневековые карты, на которых оно обозначено. Море Геродота давно высохло и оставило после себя лишь бесконечные болота. Но во время разлива и слияния всех полесских рек оно, как в древности, расстилалось до самого горизонта, и летел по нему челн, подгоняемый быстрым весенним течением.

Свернули в протоку и поплыли под стоящими в воде деревьями. В обычное время здесь была пойменная дубрава, поэтому не речная, а лесная трава видна была теперь сквозь ясную воду. И лицо Вероники отражалось в этой воде, как в зеркале, и пряди полурасплетенной русой косы, перекинутой на грудь, путались в отражении с ушедшей под воду лесной травой.

— Чего там выглядываешь? В наставку загоняй, — буркнул дед.

Вероника поспешно отвела взгляд от своего же взгляда в лесной воде.

Дед погрузил в воду сплетенный из лозы конус — наставку — и принялся опускать его все ниже, пока тот не оказался на дне. Вероника с силой водила под водой веслом, загоняя рыбу в наставку, а дед Базыль точными ударами бил рыбин багром и бросал в челн.

Снастей у него было множество — и поплавы, и катцы, и нерезки, и клюмля, и неводы зимние, и неводы летние; Вероника знала их все как свои пять пальцев. Но сейчас он долго рыбачить не собирался, потому и взял с собой одну лишь наставку. Еще затемно его внук Ясь на другом челне повез весь сегодняшний ранний улов в Пинск. Потому дед и отправился за рыбой на ужин, а для одной лишь своей семьи требовалось ее немного, не то что для продажи на пинском рынке.

Пока он тут же, в челне, потрошил и чистил рыбу, Вероника вытянула из воды наставку.

— Этих матке отнесешь. — Дед отобрал нескольких крупных язей и бросил в корзину. — Ухи наварит, или что там у вас едят.

Мать запекала рыбу в металлической рыбнице и подавала с польским соусом. Папа привык к городской еде и не хотел отвыкать. Застенок Багнички был материнским приданым, здесь она родилась и жила до того, как поехала в Краков пого-

Ольховый король

стить к тетке и скоропалительно вышла замуж за Франца Водынского, дружившего с теткинм сыном. Брак считался удачным: Водынские владели в Кракове мануфактурой, Франц был наследником. Никто не ожидал, что женина усадьба на болоте вдруг окажется единственной собственностью молодой семьи. Сельскую жизнь Франц Водынский ненавидел, Багничи считал западней, так и кричал когда-то жене во время ссор. Но деваться отсюда было теперь некуда: денег, оставшихся после того, как мануфактура Водынских разорилась, только на сельскую жизнь и хватало. И то если жить в глуши Полесья, где питаться можно тем, что дают река, лес и скудное поле.

То есть это родителям некуда было деваться, а Веронику папа намеревался отправить в Пинск, чего бы это ему ни стоило, и сам готовил ее к поступлению в гимназию, обучая бесполезным, по материнскому разумению, вещам.

— Отдохни, дедушка, — на обратном пути сказала Вероника. — Я с веслом управлюсь.

Не было в Багничях человека, который не умел бы управляться с веслом, и Вероника тоже умела, конечно. Стоя в челне, она будто и не управляла им вовсе, а ощущала весло частью себя, как руку или ногу.

Ветви деревьев низко склонялись над водой, и оттого, что она поднялась до середины стволов, казалось, челн плывет не в настоящей, а в сказочной дубраве. Или не от этого все здесь выглядит таинственным? В лесу и на болоте что угодно ведь случается, и встреча с волколаком так же возможна, как с обычным волком, сколько бы папа ни говорил, что все эти волколаки и русалки — забабоны темных людей, а человека образованного они могут интересовать только в этнографическом смысле.

— А помнишь, ты про папарть-кветку говорил? — вспомнила Вероника.

Про папарть-кветку дед Базыль коротко упомянул вчера, выпив келишек водки. Эх, вчера и надо было побольше порасспрашивать! Водки сегодня уже нету, а без нее из деда слова не вытянешь. Может, Ясь из Пинска ему привезет?

— Помню, — неожиданно кивнул дед Базыль. — А тебе что до папарть-кветки?

Он сидел на дне челна перед Вероникой и, ей казалось, усмехался в бороду.

— Интересно же! Говорят, она только один миг цветет — как глазом моргнуть. И сияет, как падающая звезда. А правда, что в папарты-кветке душа русалки живет?

— Может, и правда.

— А ты русалок видел когда-нибудь?

— Много раз.

У Вероники даже мурашки по спине побежали от любопытства.

— Ой, дедушка! — воскликнула она. — И какие они?

— Весло не утопи, — буркнул дед. — Русалки какие? Обыкновенные. Огни на болоте. В осень там не только они блукают, всеякой нечисти много.

Болот Вероника не боялась. И странно было бы бояться: они начинались сразу за холмом, на котором стояли Багнич, и тянулись далеко, до самой Волыни. Она с рождения видела их из окна усадебного дома и ходила по ним так же легко, как управляла челном. Но все-таки поежилась, представив, кого можно встретить на болотах в осенние сумерки. Волколаку еще и обрадуешься, может.

Наверное, тень испуга пробежала по ее лицу. Дед улыбнулся уже не в бороду, а во весь щербатый рот.

— Не пугайся, — сказал он. — Как встретишь нечисть, сразу работу ей давай.

— Какую же нечисти работу?.. — пробормотала Вероника.

— А любую. Лишь бы до рассветахватило. Бабка Тэкля, когда девкой была, пошла за клюквой и целое стадо чертей встретила.

— Это, может, и не черти были, а просто дикие свиньи! — хмыкнула Вероника.

Но как ни храбрилась, ей стало совсем уж не по себе. Она крепче перехватила весло, направляя челн из протоки в реку.

— Может, и свиньи, — не стал спорить дед. — Только по болоту от них гул пошел, огни побежали, и застонал кто-то.

— И что бабка Тэкля стала делать? — прошептала Вероника.

— Она тогда не бабка была, а девка, — напомнил дед Базыль. — Коса у нее была как у тебя. Сети, а не коса. Тэкля ее